

Т.Ю. Бочаров

ДЕЛАЯ СОЦИОЛОГИЮ СОЦИОЛОГИИ

В статье предлагается этнометодологическое описание рабочих операций одного исследовательского проекта по социологии социологии. В центре внимания оказались такие темы, как практическое социологическое мышление, организация времени исследования, проблема индексичности, процедуры формирования выборки, сбора и сортировки данных, составления и редактирования анкеты. Кроме того, обсуждается попытка использования некоторых наработок этнометодологии в социологическом исследовании.

Ключевые слова: *этнометодология, практическое социологическое мышление, Гарольд Гарфинкель, Харви Сакс, индексичность.*

Keywords: *ethnomethodology, practical sociological reasoning, Harold Garfinkel, Harvey Sacks, indexicality.*

Введение

- Тимур, вы хотели ошеломить нас.
- Чем?
- Рассказом о том, что мы на самом деле делаем, когда думаем, что делаем социологию науки.
- Вы *делаете* [социологию науки].

В этом маленьком отрывке — суть дела. Разговор произошел в ходе обсуждения будущих публикаций по итогам исследования социологического сообщества г. Санкт-Петербурга*. В этом проекте я принимал участие в качестве члена исследовательской группы, одним из результа-

* Исследовательский проект «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года» (ЦФИ ГУ-ВШЭ, июнь-ноябрь 2009 г.).

тов чего стала эта статья. В диалоге хорошо виден пункт расхождений социологии науки и этнометодологии науки. Мне указывается на возможный результат моего этнометодологического исследования как на открытие того, что мы «на самом деле делали», будучи участниками проекта. Это обычная социологическая операция вида: [] → (), которую Гарфинкель называет *теоремой преобразования* (rendering theorem) (Garfinkel 2002). В левых квадратных скобках — феномен социального порядка [социология социологии] в его конкретности и локальности, стрелочка — это методы, процедуры, индикаторы, в правых круглых скобках содержится (концептуальное социологическое описание), что не исключает дальнейшего развертывания цепочки вплоть до *reductio ad absurdum*: [] → [()] → (()) →... Этнометодологическое исследование в этой статье посвящено исключительно феномену в квадратных скобках, но этот феномен [социология социологии] являлся частью цепочки, обрисованной выше: [→ ()]. В устной речи не удалось передать, как этнометодология переопределяет центральную проблему социологии — социальный порядок, но в транскрипте это выражено курсивом и квадратными скобками. Социология науки является феноменом социального порядка. Это факт, социальный факт по Дюркгейму, если угодно. Но просто сказать это — не сказать ничего. Этнометодология не описывает социальный порядок как концепт, она описывает достижение социального порядка. Поэтому главные вопросы этого исследования — *как* возможна социология социологии? Что такое *делание* социологии социологии? Выделение курсивом призвано отметить «делание» [социологии науки] как нашу совместную кропотливую работу по производству социального факта [социология науки]. Понятие «социология науки» заключается в квадратные скобки, которые указывают на необходимость описать методы достижения [социологии науки] как феномена социального порядка прежде всякого разговора о социологии науки. Далее я буду использовать термины в квадратных скобках всякий раз, когда мне надо показать производство локального феномена порядка. В остальных случаях я буду применять эти слова в обыденном смысле, без скобок.

Другой важный вопрос из диалога выше — что мы действительно делаем, когда думаем, что делаем нечто (в нашем случае социологию социологии)? Это отсылает нас к проблеме наблюдателя и рефлексивности. Если участники «знают» того, что они делают, тогда зачем этнометодология? Если участники «не знают» того, что они делают, тогда в чем отличие этнометодологии от социологии? Здесь мы вплотную подходим к специфическому пониманию рефлексивности в этнометодологии, которая бесповоротно порывает с шюцевским разделением естественных установок и научного описания. В феноменологии Шюца практиче-

ское действие не может быть осмыслено действующим непосредственно в момент практического действия. Понимание возможно со стороны наблюдателя либо актора, но постфактум, когда он становится по отношению к себе-в-прошлом в позицию наблюдателя (Шюц 2003). В этнометодологии рефлексивность является неотъемлемым свойством обыденного языка, в рамках которого люди делают свои практики *объяснимыми* (accountable)*. Однако эта рефлексивность не носит теоретический характер, а всегда где-то на заднем фоне, поэтому Гарфинкель пишет о «“безынтересной” сущностной рефлексивности объяснений (accounts) практических действий» (Garfinkel 1967: 7). В таком случае теоретическое разграничение рефлексивного и нерефлексивного действия вообще теряет смысл. Когда мы начинаем говорить о «рефлексивности» теоретически, мы упускаем контекстуальную относительность ее критериев, т. к. в разных локальных порядках существуют свои практические требования рефлексивности (Lynch 1999). В разные моменты исследования мы «рефлексируем» по поводу своих практик и объяснений (accounts) по разному: как «социологи науки», как «этнометодологи», как «члены социологического сообщества», как «обыватели». Какая рефлексия была настоящей? Нельзя ответить на этот вопрос. Соответственно, в этой статье не утверждается (и невозможно утверждать), что участники были рефлексивны («знали, что они делали») или не были рефлексивны («не знали, что они делали»). Важно было показать локальные критерии [рефлексивности], т. е. показать, что в практической логике именно нашего проекта значило «знать или не знать, что мы делали». Позиция наблюдателя или теоретика никогда не позволяет описать это. Необходимо непосредственное освоение и осуществление практик**. Если для описания практик этнометодолог должен быть ком-

* Объяснимость (accountability) — способность делать свои и чужие действия видимыми-разумными-и-описываемыми-для-всех-практических-целей (Garfinkel 1967: vii). Майкл Линч на основании более поздних лекций и выступлений Гарфинкеля проясняет этот не самый простой термин «этнометодологического словаря»: 1) социальные действия упорядоченны; 2) упорядоченность наблюдаема; 3) наблюдаемая упорядоченность обыденна; 4) обыденная наблюдаемая упорядоченность ориентированна (т. е. на нее ориентируются другие); 5) ориентированная обыденная наблюдаемая упорядоченность рациональна; 6) рациональная ориентированная обыденная наблюдаемая упорядоченность описуема. Таким образом, участники способны наблюдать и описывать порядок, это не привилегия социологов (Lynch 1993: 14–15)

** Понимание практик в этнометодологии кардинально отличается от теорий, которые принято обозначать сейчас «теорией практик». Теория практик рассматривает практики в качестве концепта, который требует аналитического

петентен в самих практиках, но не в социологическом описании этих практик, то для описания практик социологического описания этнометодолог должен быть компетентен в практиках социологического описания. Только непосредственное участие в переписке, встречах исследовательской группы, составлении выборки, выдвижении гипотез, редактировании анкеты, составлении гайда интервью, поиске биографической информации, кодировании биографической информации, обсуждении отчета и будущих публикаций, анкетном опросе и других практиках позволяет описать социологическое исследование «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года» как феномен социального порядка. Основной целью статьи было описание того, каким образом социологическое описание производится в координации и деталях совместных действий, в секвенциях процедур и методов. Существует ряд этнометодологических исследований, показывающих делание социологии в конкретных практиках: исследование практик кодирования (Garfinkel, Bittner 1967), цитирования (Carlin 2007), интервьюирования (Hester, Francis 1994), трансформации фактов в социологические индикаторы (Vaccus 1986), визуализации теорий (Lynch 1991), этнометодологический анализ социологического текста (Sacks 1999). В этом ряду, конечно, нельзя обойти вниманием книгу Аарона Сикурела «Метод и измерение», где он обращает внимание на критическую важность обыденного языка и здравого смысла в практиках социологического исследования (Cicourel 1964)*.

Этнометодологическое исследование, представленное в этой статье, имеет ряд многообещающих особенностей:

— *во-первых*, производство феноменов показывается в совместных практиках и деталях интеракции участников проекта, тогда как преды-

объяснения, в этнометодологии описание практики = освоение практики (Корбут 2009). Подобные установки проявлялись в требованиях Гарфинкеля к своим студентам досконально освоить профессиональные практики, которые они собираются исследовать. Скажем, в один из учебных семестров он мог направить своих студентов работать волонтерами для лучшего понимания телесных практик людей с ограниченными физическими возможностями (Lynch 1999).

* Хотя ссылок на тексты Гарфинкеля в избытке, в заключительной части своей книги Сикурел старательно обходит наиболее радикальные для него положения этнометодологии. В книге утверждается необходимость строгих научных методов в социологии, которые должны корректироваться и развиваться с постоянной оглядкой на проблему обыденного языка и здравого смысла. Это является прямой и некритической рецепцией феноменологии Шюца, что позволяет говорить об этой работе как о прото-этнометодологии (Lynch 1993).

душие исследования чаще всего имели дело с текстуальными источниками (например, тексты Блау или Вебера, хэндбуки по социальной теории, библиографии);

— *во-вторых*, данное исследование описывает не отдельную социологическую практику, а секвенции исследовательских процедур;

— *в-третьих*, в статье предлагается этнометодология социологии социологии, т. е. исследование практического социологического мышления о социологии и социологическом сообществе;

— *в-четвертых*, все члены исследовательской группы имели какое-то представление об этнометодологии, читали соответствующие тексты и некоторые процедуры (формирование выборки, сортировка данных, анкетный опрос) пытались «отрефлексировать» в этнометодологическом ключе. В этой статье представлено описание подобного опыта взаимодействия социологии и этнометодологии в конкретном исследовании, в отличие от гипотетических размышлений и дискуссий о перспективах их сосуществования.

В завершении вводной части следует сразу оговориться о том, что не все операции и процедуры получают в этой статье то детальное описание, которого они заслуживают. В ходе этого исследовательского проекта я учился делать социологию социологии, но не всему смог научиться. В связи с этим в статье описание получили процедуры, которые я непосредственно осуществлял, в разработке и обсуждении которых принимал участие. В статье описываются такие локальные феномены порядка, как [выборка], [данные], [анкета], но не затрагиваются [анализ цитирования], [статистический обсчет данных] и [аналитический отчет], в осуществлении которых я не принимал почти никакого участия.

[Выборка]

Процедура [формирования выборки] стала для нашей группы первоочередной задачей на старте проекта. Если в большинстве случаев [выборка] в социологическом исследовании технически формируется с помощью выделения части («выборочной совокупности»), которая должна репрезентировать свойства целого («генеральной совокупности»), то в нашем случае мы должны были работать непосредственно с целым — «социологическим сообществом г. Санкт-Петербурга». В заявке на проведение исследования подобная стратегия указывалась в качестве преимущества по сравнению с предыдущими проектами по сходной тематике, которое позволяет изучить все локальное академическое сообщество, а не его отдельные части или сферы жизни. В практических пособиях по проведению социологического исследования обычно затрагивается «проблема репрезентативности» выборочной совокупности,

но генеральная совокупность воспринимается как непротиворечивая целостность.

Любую генеральную совокупность характеризует некоторый явно задаваемый признак (или набор признаков), по значению которого *всегда можно однозначно* определить, относится данный объект к генеральной совокупности или нет. Так, в качестве генеральной совокупности мы можем рассматривать жителей данного города, промышленно-производственный персонал предприятия, студентов всей страны и т. п. (Рабочая книга социолога 2006: 200) (*курсив мой — Т. Б.*).

Однако определение признаков целого само по себе является практической проблемой, связанной с использованием категорий обычного языка*. Отнесение к «жителям города», «промышленно-производственному персоналу», «студентам», а в нашем случае — к «социологам» является продуктом решений в тех или иных ситуациях. В качестве предмета нашего исследования фигурировала популяция ленинградско-петербургских социологов в 1985—2009 гг.** Все три состав-

* Пожалуй, лучше всего об этом пишет Харви Сакс, обсуждая исследование Дюркгейма. «Главная трудность “Самоубийства” Дюркгейма не в том, что он использует официальную статистику, а в том, что он вводит в социологию проблему практической теории. “Самоубийство” — категория естественного языка. Она порождает множество практических проблем, таких, например, как объяснение конкретных самоубийств или объяснения различий в показателях самоубийств. Говорить, что ошибка Дюркгейма заключалась в использовании официальной статистики, вместо, скажем, изучения вариаций в отчетах о самоубийствах, значит считать очевидным, что происходят события, которые социологи должны рассматривать как “подлинное самоубийство”... В любом случае, пока мы не описали категорию — самоубийство, — т. е. не предоставили описания процедуры, используемой при объединении разных случаев в один класс, данная категория даже потенциально не составляет часть социологического аппарата. Использовать неописанную категорию — значит сочинять тексты вроде тех, что печатают в детских книжках. Там встречаются рисунки объектов, испещренные цепочками слов. Остенсивное определение, возможно, и благородное дело, однако мне совершенно непонятно, каким может быть остенсивное определение “действия”» (Сакс 2006: 48–49). Этнометодологические исследования практик определения «самоубийства» см. в (Garfinkel 1967: 11–18; Atkinson 1971: 165–191).

** Заявка в ЦФИ ГУ ВШЭ на проведение исследования «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года» (автор текста заявки — М. Соколов). Текст заявки с небольшими изменениями можно найти в разделах «о проекте» и «методика» на сайте исследовательского проекта <http://www.socdata.spb.ru>.

ляющие дефиниции: «ленинградско-петербургские», «в 1985–2009» и «социологи» в большей или меньшей степени стали практическими проблемами на первом этапе исследования, без решения которых был невозможен переход к следующим фазам. Отсутствие четких критериев и дискуссионность определения «социологического сообщества» не могли не быть отмечены*, но исследование дискуссий и споров не было целью проекта. Задачей номер один было выделение границ [сообщества]. Опираясь на обыденные представления о том, кого принято определять как «социолога», мы подбирали объяснимые (accountable) критерии. Термин «объяснимость» (accountability) здесь указывает на следующий момент: наши действия по отбору критериев не были волюнтаристскими решениями, а принимались так, чтобы они могли быть признаны разумными любым заинтересованным лицом. В итоге были выделены следующие критерии:

- а) статус сотрудника организаций или подразделений, в названии которых присутствует слово «социология»;
- б) защита диссертации по социологическим наукам или публикация в одном из профессиональных периодических изданий;
- в) членство в одной из локальных профессиональных ассоциаций (Санкт-Петербургская Ассоциация Социологов, Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского);
- г) участие в публичном социологическом мероприятии.

В соответствии с этими критериями делался следующий шаг по формированию списков людей: списки сотрудников по организациям, списки членов ассоциаций, списки участников мероприятий, списки авторов изданий. Информация для создания списков собиралась с официальных сайтов организаций и мероприятий, из профессиональных справочников, а также путем личного посещения интересующих нас организаций**. Собранные списки вбивались в таблицу формата Excel, после чего были слиты в общий «список списков», который включал две с лишним тысячи человек. После исключения всех дублей осталось 1280 человек. Однако и этот список не стал окончательным, из него были исключены люди, имеющие только одно упоминание по одному из четырех критериев (только одно посещение какой-то конференции, только членство в какой-то ассоциации и т. д.). Мы выделили «ядро»

* Учитывая фрагментацию изучаемого сообщества и отсутствие согласия по поводу критериев принадлежности к нему, предполагается использовать самые широкие определения того, кого считать социологом (из текста Заявки).

** Внутренний циркуляр «Основные блоки работы», отправлен по рассылке ИГ 05.07.09.

и отсекали «периферию», как выразился один из членов исследовательской группы. В итоге осталось 622 человека, которые и составили [социологическое сообщество г. Санкт-Петербурга].

Вся процедура формирования выборки заняла около месяца, породив дискуссии в группе и потребовав постоянной готовности к решению практических проблем. Перечень критериев, который должен был служить ориентиром при определении участников [сообщества], часто вступал в противоречие с нашим обыденным знанием того, кого можно отнести к «социологам», а кого явно нельзя. Возникали ситуации, когда мы удивлялись присутствию в списке людей, которых там вроде не должно быть, либо отсутствию тех, кого мы считали не последними фигурами в [социологическом сообществе]. В конечном итоге мы всегда ретроспективно возвращались к тому, как именно мы собирали списки, стараясь следовать четырем изначально заданным критериям. В ходе рабочих операций по сбору данных для списков мы вынуждены были решать такую проблему, как *индексикальность* формулировок критериев: «сотрудник организации», «социологическое мероприятие», «автор публикации», «социологический журнал». Индексикальные выражения всегда вызывали затруднения для философов, стремящихся построить кристально чистый язык логики. Смысл индексикалов, в отличие от объективных выражений, требует уточнения контекста их произношения, как, например: здесь, тогда, Я, завтра. В этнометодологии же ставится под вопрос четкое разделение объективных и индексикальных выражений, индексикальность является неотъемлемым свойством социальных практик (Garfinkel, Sacks 1986). Этнометодология именно об этом:

«Я использую термин “этнометодология” для указания на изучение рациональных свойств индексичных выражений и других практических действий как контингентных, текущих осуществлений организованных искусных повседневных действий» (Гарфинкель 2003: 9).

Основной предмет интереса этнометодологии — не проблема индексикальности, а ее отсутствие в обыденных практиках, скорее даже наоборот, индексикальность является необходимым условием интеракции. Например, в экспериментах Гарфинкеля попытки прояснения повседневных вопросов, например, «как дела?», приводили к замешательству и раздражению (Garfinkel 1967). Если для логиков индексикальность является теоретической проблемой, то в нашем проекте она стала *практической проблемой*, тормозящей ход исследования. В этих случаях иногда принималось совместное решение на заседаниях исследовательской группы, но чаще исследователь принимал самостоятельное решение по ходу рабочих операций. Например, в моей работе по

составлению списков встала задача по определению преподавателей Смольного института в качестве социологов. В этом учебном заведении нет соответствующего подразделения, а есть только концентрация курсов «социология и антропология». Моя задача состояла в отделении «социологов» от «антропологов». Я вносил человека в список, если он отвечал хотя бы одному из двух требований: 1) в названии курса встречалось слово «социология», пусть и страничка автора не указывала на социологическое образование или степень; 2) на страничке преподавателя указывалось социологическое образование или степень. Примерно схожее затруднение возникло у другого участника при работе с одним из университетских журналов, где был общий раздел «социология и история»*.

В процессе составления списков участников мероприятий мною принимались решения, также исходя из критериев, вводимых по ситуации**. «Социологичность» мероприятия определялась исходя из учреждений-организаторов — факультет политических наук и социологии ЕУ СПб или Центр независимых социологических исследований. В нашем проекте эти организации изначально фигурировали как социологические, согласно критерию под буквой *a* (присутствие слова «социология» в названии). Получилась парадоксальная ситуация, когда «*Междисциплинарный семинар*», организуемый факультетом ПНиС, прошел как *социологическое* мероприятие, но другой вариант тут был бы вряд ли возможен. Такие практики Гарфинкель называет «*пусть так*» («*let it pass*»). «Пусть так» — это случаи, когда явно не соответствующие правилу действия будут практически правильными, если ты в любом случае их совершил. Ты не предполагаешь их совершать. Все это знают. Ты все равно делаешь это. Это правильно, пусть так (Hill, Crittenden 1968: 226). Определение «социологичности» мероприятия, ориентируясь только на

* «Что-то есть в Интернете, но не очень удобно смотреть, тем более там вроде бы называется раздел “Социология и история”. Не совсем четко ясно, как оттуда вычислять именно социологию, можно по названиям» (*письмо из внутренней рассылки ИГ от 03.07.09*).

** «Мероприятия: ЕУ СПб — семинары и конференции, которые на сайте обозначены “от факу-та ПНиС” (“разномыслие в СССР”, ВДНХ и проч. не попадают, так как непонятно на каких основаниях определять доклад как социологический) и Междисциплинарные семинары с 2000 г., ГУ ВШЭ — единственная российско-немецкая конференция “Социальное равенство и справедливость” 2–3 марта 2007 года, Смольный — ничего нет, ЦНСИ — все бесчисленные семинары, которые я накопил в новостях на новом и старом сайте центра» (*из моего письма, отправленного по рассылке ИГ 03.07.09*).

присутствие слова «социология», было бы малопродуктивным, т. к. не всякая лекция, семинар или доклад по социологии в организациях, по которым я составлял списки, прямо обозначаются как «социологические». Полный отказ от критериев и определение «социологичности» для каждого доклада *ad hoc* на основании здравого смысла делали мою работу уязвимой при последующем обосновании своих действий. Ввод критерия «учреждение-организатор» был практическим решением, которое я принял в процессе работы быстрее, чем написал этот абзац. В условиях сжатых сроков проекта любой формальный критерий всегда выбирался как лучшее решение по сравнению с решением *ad hoc*, которое могло породить разногласия в группе, а значит, и лишние временные затраты. Далее в тексте будет много тому примеров.

В обсуждениях мы приходили к выводу, что наши решения в процессе составления списков часто определяют появление «удивительных» или отсутствие «очевидных» персонажей в выборке. На встрече группы было решено, что студенты и аспиранты не проходят как «сотрудники организаций» по причине труднодоступности сбора данных, но зато могут пройти как «участники мероприятий». А что если аспирантские семинары носят публичный характер, но в качестве докладчиков там выступают только аспиранты*? Их одновременно можно было исключить из списка на основании первого решения и включить на основании второго решения. Исследователем был выбран первый вариант, но второй исход, строго говоря, не был бы нарушением наших процедурных правил. В одной из исследовательских организаций, где я собирал списки сотрудников, возник вопрос о «лаборантах». Формально они выполняют техническую работу, но некоторые могут вести регулярную научную жизнь. Включать ли их в список как «социологов»? В конце концов, мы вплотную приблизились к осознанию того, что все наши затруднения

* **Исследователь 1:** М. не надо выкидывать.

Исследователь 2: Правила должны быть одинаковы для всех. В общем, М. живет в нашем сердце, но не в нашем списке.

Исследователь 1: Она могла туда попасть, если мы, допустим, брали бы аспирантов.

Исследователь 2: Она могла туда попасть, в общем, там легко было сделать так, чтобы она попала. Взять факультетские аспирантские семинары, которые, по идее, открытые, и М. будет внутри.

Исследователь 1: Но я не делал аспирантские семинары.

Исследователь 2: Ну вот. Вы ее вычеркнули (общий смех).

Исследователь 1: Потому что, смотрите, там участники будут только аспиранты. Или мастер-класс преподавателей, это немножко другое, это не мероприятия такие (*аудиозапись встречи ИГ 17.06.09*).

коренятся в обыденном языке, что сам предмет нашего исследования («социологи») является одним большим индексикалом. Оставалось только резюмировать этот факт, что и было сделано одним из участников проекта*. В реплике проблема индексикальности предстает в качестве препятствия на пути к следующим фазам исследования. Отсылка к этнометодологии здесь использовалась как инструмент для прекращения дальнейших разногласий, которые «съедали» время исследования. Выборка к тому времени уже была сформирована, т. е. практическую проблему индексикальности каждый из исследователей решил самостоятельно в ходе своей работы. На следующем этапе самостоятельных решений уже было недостаточно.

[Данные]

Следующим шагом исследования стал поиск биографической информации о членах выборки и распределение этих сведений по тематическим категориям. Информация собиралась с помощью общедоступных источников: из профессиональных справочников или через поисковые системы Интернета. Временные затраты на поиск информации определялись участниками самостоятельно, исходя из объема и особенностей материала, с которым приходилось работать. В итоге уже на стадии завершения этой операции выяснилось, что практики [сбора данных] осуществлялась всеми тремя сборщиками по разной схеме. Мой участок работы составлял 277 человек, который должен был быть выполнен примерно в месячный срок. В ходе работы максимальные временные затраты на поиск по одному человеку стабилизировались до 1 часа, по истечении которого я просто переходил к следующему персонажу, что позволило уложиться в сроки. Время на поиск могло измеряться и лимитироваться также в страницах, выдаваемых поисковой службой (например, три страницы, которые выдает Google на одного персонажа), как у второго сборщика (объем работы сборщика № 2 — 96 человек). В третьем случае мы имели наиболее полную схему работы, когда поиск информации по одному человеку велся без четких временных ограничений (объем работы сборщика № 3 — 60 человек). В таком

* **Исследователь:** Мы не сможем их поделить четко, недвусмысленно и логично, этому нас учит этнометодология. Мы можем провести годы, сортируя их, мы можем написать по диссертации о том, как мы сортировали социологов и, возможно, это очень полезно, я надеюсь, вы ведете записи, но, продвигаясь в этом направлении, мы должны принять волевое решение: два попадания в выборку — значит социолог, определились (*аудиозапись встречи ИГ 15.07.09*).

случае сбор информации завершился, когда исследователь приходил к убеждению, что собрано уже достаточно данных и поисковая служба больше не выдаст релевантных ссылок. Время поиска в таком случае могло составлять до 3—4 чел./час. Следует отметить, что сбор данных не был второстепенной технической задачей, а имел ряд важных последствий для теоретического анализа*. Временные затраты на поиск служили средством оценки «полноты» данных не только о конкретном человеке, но и обо всем сегменте (перечне организаций), с которым по более или менее устойчивой схеме работал сборщик. В таких случаях говорилось о возможных «перекосах» в собранных данных, которые должны учитываться в последующем анализе.

Таблица с данными заполнялась согласно разработанному Шаблону. В строке — член выборки, в столбцах — «фамилия/имя/отчество»; «дата рождения/смерти»; «семья (члены внутри сообщества)»; «происхождение»; «образование»; «степени»; «аффилиация»; «публикации»; «конференции»; «исследования»; «преподавание»; «awards»; «интересы»; «контакты»; «иное». В процессе выполнения этой работы мы столкнулись с затруднениями, похожими на те, с которыми пришлось иметь дело на стадии формирования выборки. Но на этом этапе для решения практических проблем одному из участников проекта было поручено составление Инструкции. Отсылка к этнометодологии стала обоснованием для разработки Инструкции одним человеком как способа решения практической проблемы индексикальности**. В случае с разработкой инструкции мы имеем типичную попытку решения проблемы следования правилу: неопределенное правило (Шаблон) уточняется с помощью более подробного правила (Инструкция). В концепции Гарфинкеля «правила» как перечень формулировок не конституируют локальный порядок, важны практики «и так далее» («et cetera»). Игра в шахматы — это не совокупность правил игры в шахматы, а игра на доске с 64 клеточками «и так далее». Например, в одном из экспериментов Гарфинкель во время шахматной игры менял местами одинаковые фигуры, что никак не влияло на игровую диспозицию. Это вызвало растерянность и попытки прекратить эти действия, хотя игроки затруднялись объяснить

* «Постановили: констатировать, что участники вели сбор информации по разной схеме — более детальной и более экономичной. Необходимо готовиться к тому, что информацию по разным частям сообщества придется анализировать отдельно» (протокол № 7 встречи ИГ 17.08.09).

** «Постановили: (1) Всем перечитать (а) Сикурела и Гарфинкеля о невозможности консенсуса по поводу перекодирования документарных данных» (протокол № 6 встречи ИГ 24.07.09).

свою реакцию с отсылкой к формальным правилам (Гарфинкель 2009: 19). Рассмотрим теперь наши затруднения, возникшие по отдельным разделам, способы их решения в Инструкции и практики «и так далее».

1) *Образование (графа E)*. Пересечения возникали чаще всего с пунктом «аффилиации», т. к. во многих случаях на персональных страницах и CV в разделе «образование» можно было встретить широкую вариацию схем пребывания в западных учебных заведениях. В Инструкции затруднение решалось двумя способами. Первый способ: использовалось уже готовое решение проблемы индексикальности понятия «образования» в автобиографиях и на персональных страницах, т. е. версия информанта признавалась руководящей и информация дублировалась. В тех случаях, когда CV и персональная страничка отсутствовали, вступал в силу второй способ: вносилась информация об обучении, завершающемся вручением диплома о высшем образовании, присвоением степени магистра или бакалавра. В процессе выполнения сортировки исследователи еще до разработки Инструкции определяли «образование» по критерию наличия диплома*.

2) *Аффилиация (графа G)*. Понятие «аффилиация» порождало наибольшее количество вопросов, т. к. не всегда при сортировке информации удавалось нащупать грань между категориями «образование» и собственно «аффилиация». В случае с разделами «преподавание» и «аффилиация» исследователи вообще не могли провести операцию различения, а просто дублировали информацию в оба раздела**. Посмотрим, как происходит формализация смысла индексикала. В Инструкции уточняется, что под «аффилиацией» понимается постоянная академическая позиция. Далее при помощи скобок и вводного слова «то есть» уточняется уже понятие «постоянная академическая позиция» как «позиция, которая может заниматься неограниченное время». После этого процедура уточнения продолжается через перечисление по пунктам конкретных позиций, входящих в понятие «позиции, которые могут за-

* **Исследователь:** «И как их отделить от стажировок, ну таких вот стажировок, которые по времени, ну тоже сложно. И поэтому я, чтобы не мучиться, я просто диплом и есть диплом, то есть в раздел “дипломы” пишут магистр, бакалавр, не знаю. А аспирантуру и соискательство я почему-то туда включил тоже» (*аудиозапись встречи ИГ 24.07.09*).

** **Исследователь 1:** Аффилиации тоже одна большая проблема. Что такое аффилиация и как ее высчитывать? Дублировать ли туда, там есть еще раздел “к”, который преподавание, да?

Исследователь 2: Преподавание я дублировала.

Исследователь 1: Я тоже дублировал (*аудиозапись встречи ИГ 24.07.09*).

ниматься неограниченное время»: а) преподавательские, исследовательские и административные позиции; б) позиции в комитетах, редколлегиях и советах; в) позиции в профессиональных ассоциациях, а также в академиях разного рода. Процедура уточнения на этом не заканчивается. Например, понятие «советы» в пункте б) уточняется в скобках — «диссертационные советы, ученые советы и пр.». Вот в этом месте «и пр.» мы видим окончание работы по прояснению индексикалов, которая зашла уже слишком далеко. Как показало исследование Гарфинкеля, индексикальность является скорее условием, нежели проблемой понимания. В сходной задаче по прояснению бытового разговора между мужем и женой студенты Гарфинкеля столкнулись с невозможностью полного прояснения всех слов и реплик беседы (Garfinkel 1967). Всегда остается пункт «и так далее».

3) *Публикации (графа Н)*. Много вопросов и дискуссий вызвала категория «публикации», в которую надо было вносить выходные данные только *научных (академических)* текстов персонажа. В процессе поиска информации для ряда авторов возникала неопределенность при разведении академических и публицистических текстов, по поводу текстов в отдельных электронных изданиях возникали дискуссии*. Вопрос упирался в то, на каких основаниях мы производим акт различения: по содержанию или формальному критерию. В обсуждениях всплывало предположение о том, что в формально «неакадемических» изданиях вполне может быть опубликована «академическая» статья**. В Инструкции выбор был сделан в пользу формальных критериев: к «академическим» публикациям следовало относить тексты, вышедшие в «академических изданиях». В свою очередь, «академическим изданием» признавалось издание, прошедшее процедуру научного редактирования и/или рецензирования, а в качестве правообладателя имеющее академическое учреждение. Далее делалось уточнение, что таким статусом по умолчанию обладают «журналы из списка ВАК» и «издания научных из-

* **Исследователь 1:** Ну, публикацию на polit.ru никто не примет за научную.

Исследователь 2: Ничего себе, да? А у меня попало с polit.ru (*аудиозапись встречи ИГ 24.07.09*).

** **Исследователь 1:** Ну, есть формат газеты, правильно? Статьи в газетах мы не включаем.

Исследователь 2: В «иное» мы тогда включаем.

Исследователь 3: С другой стороны, там может быть отражена та проблематика, которой человек занимается как академическая персона (*аудиозапись встречи ИГ 24.07.09*).

дательств». Понятие «научные издательства» уточнялось в круглых скобках как «издательства университетов, РАН и др.», а понятие «издания научных издательств» уточнялось с помощью фразы «включая тезисы конференций, сборники и прочее». В этом случае мы снова видим окончание работы по уточнению индексикала на пункте «и так далее».

5) *Конференции (графа I)*. Под графой «конференции» в Инструкции условились понимать любого рода кратковременные академические мероприятия. Кратковременность была определена сроком до 2 недель включительно. У этой графы получались спорные пересечения с графой «публикации» из-за особенностей сбора информации об участии в публичных мероприятиях. Дело в том, что данные об участии персонажа в конференциях в большинстве своем были доступны не иначе как в форме тезисов, присланных на то или иное мероприятие. В этом случае выходные данные тезисов конференций вносились в раздел «публикации», а информация о конференции — в раздел «конференции». Сортировщики в этом случае исходили из того, что факт реального участия человека в мероприятии на основе информации из сети Интернет установить практически невозможно, поэтому тезисы или упоминание в программе мероприятия приравнивалось к участию в мероприятии. В этом случае возникало напряжение между необходимостью успешно осуществить исследовательскую процедуру и ситуациями, которые показывали условность допущения «тезисы/программа = участие в мероприятии». Например, один из членов исследовательской группы с удивлением обнаружил, что посещал летнюю школу на Дальнем Востоке, хотя никогда там не был. Он мог там не быть, но в программе летней школы он фигурировал в качестве участника, поэтому этот факт был внесен в базу. Обыденное знание социологических практик к тому же подсказывало, что приславшие тезисы часто не утруждают себя поездкой на конференцию, но публикацию в сборниках тезисов получают*.

6) *Стажировки (графа K)*. Этой графы не было в изначальном Шаблоне. Раздел «стажировки» был введен в Инструкции как способ решения затруднений, возникающих с разными схемами пребывания в ис-

* **Исследователь 1:** Это распространенная практика — получить публикацию и не ездить на конференцию.

Исследователь 2: А мы же уже до этого условились, что мы не считаем участие в конференциях, потому что это нельзя посчитать — приехал человек или не приехал. Мы считаем вообще-то то, что человек заявлялся на конференцию.

Исследователь 3: Заявлялся, да.

Исследователь 2: Тогда эти тезисы я вписываю в графу «конференции» и в графу «публикации» тоже (*аудиозапись встречи ИГ 24.07.09*).

следовательских и образовательных учреждениях, которые необходимо было распределить по разделам «аффилиации», «образование» и «конференции». В качестве «стажировки» в Инструкции понималось пребывание в организации сроком более 2 недель (в отличие от «конференции»), но без занятия постоянной позиции (в отличие от «аффилиации»). В таком случае в графу *K* вносилось все, что не вошло в остальные разделы.

7) *Исследования (графа L)*. В графу «исследования» условились на встрече исследовательской группы вносить данные об участии в исследовательских проектах и источнике финансирования. В процессе заполнения данного раздела возникали сложности с определением проекта в качестве «исследовательского»*, поэтому в Инструкции графа «исследования» переименовывалась в «исследования и проекты». В эту графу вносились академические, исследовательские, образовательные проекты и не вносились активистские проекты, арт-проекты, консультирование.

8) *Иное (графа P)*. В раздел «иное» заносилось все, что здравый смысл исследователя мог счесть информацией, имеющей отношение к целям нашего проекта. В Инструкции уточнялись все графы таблицы, но про графу «иное» ни слова. Однако все три сортировщика заполняли графу сходной информацией: личные блоги, хобби, знание иностранных языков, участие в политических акциях, выступления в средствах массовой информации. Во многом это определялось доступностью информации**, которая обычно включала именно эти сведения, но были и статьи к юбилеям, некрологи, биографические интервью, блоги. Это были источники с потенциально широким объемом личной информации, но временные затраты на мониторинг таких массивов не соответствовали бы практическим целям проекта. Графа «иное» носила дополнительный характер, поэтому туда вписывалось только «основное» и «относящееся к делу».

* **Исследователь:** С исследовательскими проектами будет некоторая сложность, которую нужно встретить лицом к лицу, потому что, во-первых, у людей были прикладные проекты, у них были госзаказы, у них было то, что некоторые называли инициативными проектами (*аудиозапись встречи ИГ 24.07.09*).

** **Исследователь 1:** В ином будет свалка, на то оно и «иное».

Исследователь 2: Будет неудобно работать со свалкой.

Исследователь 1: Там не так много всего будет по большинству персонажей, по некоторым будет «иное», по большинству не будет «иное» (*аудиозапись встречи ИГ 24.07.09*).

[Анкета]

Процедура [составления анкеты] осуществлялась в совместной работе: один из членов группы составил макет анкеты с примерными тематическими блоками, далее этот документ комментировался и правился через общую рассылку по электронной почте, наполнение конкретными вопросами происходило в обсуждении на встречах группы, верстку и окончательную редактуру анкеты осуществляли два других участника проекта. Составляя анкету, мы опирались на наше обыденное знание того «жизненного мира», который мы населяем совместно с нашими респондентами. Мы отдавали себе в этом отчет. Более того, мы допускали, что наши респонденты точно так же отдают себе в этом отчет, зная обычные социологические практики составления и последующего анализа анкет. Все эти допущения мы попытались учесть во время составления анкеты. В результате со ссылкой на Гоффмана и Гарфинкеля была составлена теоретическая модель взаимодействия между нами и респондентами в момент анкетного опроса*.

Эта теоретическая модель включала следующие допущения:

— респонденты имеют политическую заинтересованность в результатах опроса;

— респонденты, пользуясь анонимностью анкеты, будут пытаться ассоциировать себя с «хорошими» атрибутами и уклониться от ассоциации с «плохими» атрибутами;

— ответы на вопросы анкеты являются стратегическими ходами по распределению статуса внутри сообщества;

— респонденты в момент заполнения анкеты предполагают двумерное, а не одномерное распределение их ответов в статистическом анализе.

Такая теоретическая модель респондента как игрока, чьи стратегические действия направлены на достижение высокого академического статуса, ожидаемо следует из идей Гоффмана, но имеет мало общего с этнометодологией Гарфинкеля. «Порядок» у Гоффмана и «порядок» у Гарфинкеля — это две принципиально разные вещи. В своем прези-

* «Мы предполагаем, что респонденты знают, что мы собираемся сделать с их ответами на наши вопросы, и именно поэтому у нас вообще хоть что-то получается с ними делать. Как учат нас Гоффман и Гарфинкель, любой социальный порядок покоится на целенаправленном усилии, направленном на установление такового. Тот порядок, который мы наблюдаем, рассчитывая корреляции, имеет ту же природу: он возникает, поскольку респонденты сознательно участвуют в его создании» (*Внутренний документ ИГ «Опрос как стратегическое взаимодействие и моральный эксперимент», отправлен по рассылке 07.09.09*).

дентском послании к ASA Гоффман пишет о порядке интеракции как системе конвенций по аналогии с правилами игры, которые участники могут стратегически использовать для построения своего социального образа (Goffman 1983). Гарфинкель всегда выступал против игровых аналогий для описания социальных практик и модели социального действия как следования правилам*. Дуглас Мэйнард проясняет это различие на примере «случая Агнес» из исследования Гарфинкеля (Garfinkel 1967). В перспективе Гоффмана задача транссексуала Агнес заключалась бы в стратегическом манипулировании своим образом так, чтобы окружающие признали за ней статус «женщины». Это подразумевает, что правила «игры в женщину» уже были даны Агнес, а ей оставалось только использовать их в своей повседневной жизни. Исследование Гарфинкеля показывает обратное. Поведение Агнес не было следованием внешним нормативным критериям, а состояло из непрерывных секвенций ответов «как женщины» на действия окружающих в каждой отдельной ситуации. Ответные действия других показывали Агнес не только, что она должна знать и делать дальше, но также, что она делала раньше. В отличие от теорий игр, в которых фигурируют абстрактные правила и стратегические ходы, этнометодология исследует *темпоральность* конкретных локальных порядков** (Maynard 1991).

* В своей статье по проблеме доверия Гарфинкель, сравнивая игровые ситуации и повседневную жизнь, приходит к выводу об их существенных различиях. «Обращение к играм неправомерно, потому что игровые события структурно не совпадают с событиями обыденной жизни. Они настолько различны, что всякий разговор о нормах повседневных ситуаций как “правилах игры” оказывается простой фигурой речи» (Гарфинкель 2009: 26). Однако в этом раннем тексте Гарфинкель еще опирается на феноменологию Шюца, поэтому игровые модели критикуются через противопоставление конститутивных характеристик «мира игры» и «мира повседневности». Аргументы Мэйнарда, представленные в этой статье, кажется, лучше отражают эволюцию идей Гарфинкеля.

** В схожем моменте отличается «порядок интеракции» у Гоффмана и «порядок интеракции» у его бывшего студента Сакса. Если у Гоффмана смысл интеракции задается социальными конвенциями, то в оригинальной концепции смысла Сакса понимание определяется секвенциональной уместностью (sequence relevance) фраз в разговоре: следующая реплика может быть понята только в свете предыдущей, но и смысл предыдущей раскрывается в следующей. Это позволило Энн Роулз утверждать, что исследования Сакса в большей степени соответствуют программному заявлению Гоффмана о необходимости рассматривать порядок интеракции *suí generis*, чем изыскания самого Гоффмана (Rawls 1989).

На основе идей Гарфинкеля вряд ли может родиться какая-то модель взаимодействия респондента и интервьюера до исследования локальных порядков, в которых это взаимодействие происходит. Несмотря на то, что ссылка на Гарфинкеля была использована как объяснение (account), фактически мы исходили из теории Гоффмана. Это имело прямые следствия для практики составления анкеты. Блок вопросов об «академическом статусе» в анкете выстраивался вокруг типов его носителей: а) публикации и издания; б) аффилиации; в) мероприятия; г) сотрудничества и социальные сети; д) также предлагалось измерить «статус в чистом виде». Это были своего рода «карты», которые респонденты должны были разыграть в процессе заполнения анкеты. Дискуссия в группе возникла по поводу обоснованности включения в колоду с «обычными картами» (первые четыре пункта) еще и «джокера» (пункт «д»). Спор касался природы [социологических индикаторов] и их связи с [эмпирической реальностью]. Если первые четыре носителя статуса имели для членов группы [эмпирические корреляты], то возможность и способы измерения «статуса в чистом виде» вызвали затруднения в практическом социологическом мышлении. Вместо обычной социологической операции: [] → (), которая могла условно выглядеть так: [ношение галстука] → (академический статус), мы получали формулу с пустыми квадратными скобками: [] → (академический статус)*. Автор идеи измерения «статуса в чистом виде» вынужден был пояснить свою позицию. Предложение измерить «статус в чистом виде» состояло в том, чтобы прямо спросить респондентов о членах сообщества, которые обладают, по их мнению, высоким академическим статусом. Сбой в практическом мышлении был «отремонтирован» только после заполнения квадратных скобок: [вопрос об академическом статусе] → (академический статус)**. Теоретические и методологические разногласия по поводу «статуса в чистом виде», как и во всех предыдущих дискуссиях, были быстро прекращены. В этом практическом решении мы учитыва-

* **Исследователь 1:** Поэтому аффилиация имеет эмпирический коррелят, а статус в чистом виде не имеет.

Исследователь 2: А аффилиация — это не эмпирический коррелят статуса?

Исследователь 1: Нет. N предлагает померить статус в чистом виде (*аудиозапись встречи ИГ 10.09.09*).

** **Исследователь 1:** У голосования есть твердый коррелят.

Исследователь 2: Мы предлагаем им проголосовать, просто так?

Исследователь 1: Они заполняют бюллетени, и то, что они записали в бюллетене — относительно твердый коррелят (*аудиозапись встречи ИГ 10.09.09*).

ли два обстоятельства: ограниченное пространство анкеты и сжатые сроки проекта*.

Кроме предположений о стратегическом поведении наших будущих респондентов мы делали также некоторые практические допущения о «когнитивных процессах» при заполнении анкеты. Существует обширный круг когнитивных исследований, в которых мыслительные акты респондента рассматриваются как внутренние психологические процессы. Результатом таких экспериментальных исследований обычно становятся предложения по улучшению опросного инструментария**. В этнометодологических исследованиях заполнение анкеты или ситуация интервью понимаются несколько иначе. Отталкиваясь от философских идей Райла и Витгенштейна, этнометодология исследует использование «когнитивных» понятий и предикатов в различных практических условиях: память (Lynch, Bogen 2005), депрессия (Heap 1982), шизофрения (Coulter 1983), смущение (Drew 2005), истерия (Whalen, Zimmerman 1998), страдания (Heath 2002). В случае с социологическим опросом как этнометодологи, так и когнитивисты имеют дело с коммуникацией. Но если в когнитивном анализе интеракция рассматривается как средство доступа к индивидуальным мыслительным процессам, то в этнометодологии «когнитивные процессы» в ситуации опроса — это в первую и последнюю очередь практики языка (Maynard, Schaeffer 2005). В процессе обсуждения анкеты мы занимались *практическим* «когнитивным анализом» и тестированием вопросов, пытаясь предположить, как будет «мыслить» респондент. Мы исходили из допущения об общем «жизненном мире» с нашими респондентами, поэтому мы были и респондентами, и составителями анкеты в одном лице***. Процедура составления вопроса и его тестирования была неразрывно связана, мы придумывали вопрос и тут же пытались на него ответить. Или наоборот? У нас уже был ответ, и мы придумывали к нему вопрос? Видимо, здесь нельзя утверждать, что было раньше, а что позже. Мы имеем здесь скорее «секвенциональную логику» языка Сакса, а не последовательную логическую связь. Формулируя объяснение (account) в

* **Исследователь 1:** Про статус в чистом виде, ну, это, в общем, на три вопроса, кто кого считает авторитетным членом сообщества.

Исследователь 2: Все, забили, три вопроса нас не убьют. Поехали (*аудиозапись встречи ИГ 10.09.09*).

** Исчерпывающий обзор когнитивных подходов к опросным методикам с авторскими экспериментальными исследованиями см. в (Рогозин 2002).

*** Это и было так! Трое участников ИГ попали в нашу выборку, поэтому возникла забавная ситуация, когда они составляли анкету для опроса самих же себя, а потом заполняли ее.

виде вопроса анкеты, мы тем самым проясняли смысл «ответа-предположения» из нашего обыденного мышления, а это «объяснение-вопрос», в свою очередь, прояснялось в другом объяснении (account) в виде тестирования вопроса анкеты, для чего использовалось опять же обыденное мышление, откуда родом «ответ-предположение». Гарфинкель имеет в виду такого рода связь практик и объяснений (accounts), говоря о «сущностной рефлексивности объяснений (accounts) практических действий». Тестирование вопросов анкеты заключалось в следующем: мы отвечали на вопрос, допуская, что респонденты будут отвечать на вопрос сходным образом. Например, обсуждая возможный вопрос о годах, когда были прочитаны пять наиболее важных для респондента книг, мы пытались не только понять — «вспомнит» он даты или не «вспомнит», но *как* он будет «вспоминать»? В первую очередь, *как долго* он будет вспоминать? Временем «вспоминания» для нас было время заполнения графы в анкете с соответствующим вопросом. Вопрос о датах решено было убрать, т. к. наш маленький тест показал, что время «вспоминания» может затянуться. В другом случае мы тестировали работу «сознания» респондента при ответе на вопрос об отношении к некоторым социологическим текстам, который включал три варианта: 1) знаю/не знаю; 2) читал/не читал; 3) понравилось/не понравилось**. В разговоре было высказано замечание, что в «мозгу» респондента какие-то из вопросов будут пересекаться. Например, один из членов группы предположил, что в графе о текстах Гарфинкеля он отметил бы «не понравилось», т. к. ему не нравятся вообще идеи Гарфинкеля, хотя сами тексты он не читал. Предложение о распределении этих вариантов по разным вопросам не прошло из-за ограниченности пространства анкеты. В итоге вариант № 3 из вопроса убрали.

* **Исследователь 1:** Я бы вспомнил.

Исследователь 2: Ну и я бы вспомнил.

Исследователь 3: Я бы не вспомнила. Мне бы пришлось долго строить столбики.

Исследователь 1: Нет?

Исследователь 3: Строить картинку, рисовать, вспоминать (*аудиозапись встречи ИГ 10.09.09*).

** **Исследователь 1:** Три нельзя.

Исследователь 2: Нельзя?

Исследователь 3: В одном вопросе нельзя, а если три сделать?

Исследователь 2: Это будет очень много места.

Исследователь 4: Почему нельзя?

Исследователь 1: Ребята, потому что это коктейль, потому что мозг так не работает. Человек не способен разделить эти три вопроса (*аудиозапись встречи ИГ 10.09.09*).

Заключение

В этнометодологических текстах можно встретить отсылки к социологическим практикам, в качестве альтернативы которым предлагается этнометодология. К сожалению, часто эти упоминания оформляются в некоторую модель «социологии вообще», как если бы про социологию все было уже давно известно. Однако при этом забывается собственно этнометодологическая максима — рассматривать работу по достижению социального порядка в ее локальности и конкретности. В этом небольшом тексте была представлена попытка показать *делание* [социологии социологии] в совместной работе исследовательской группы: как работает практическое социологическое мышление, какое значение имеет время социологического проекта, как осуществляются методы и процедуры.

Предметом исследования в нашем проекте было [социологическое сообщество] и [сегменты социологического сообщества]. Описание достижения [социологического сообщества] и [сегментов социологического сообщества] в рамках нашего исследовательского проекта было представлено в этой статье. Значит ли это, что [социологическое сообщество] и [сегменты социологического сообщества] являются социальными конструктами ученых, а не объективными фактами эмпирической реальности, как, возможно, полагают социологи науки позитивистского толка? Нет, не значит. Дихотомию объективизм vs. конструктивизм в перспективе *этнометодологического безразличия* можно рассматривать как практику теоретизирования, т. е. как тему для исследования, но не более того. Для этнометодологии нет «сообщества» ни как социального конструкта, ни как объективной реальности, модус существования социального факта [сообщество] — это достижение [сообщества] в конкретных практиках. Эти практики различия в нашем проекте случались и вне осуществления исследовательских процедур: в денежной оценке работы исследователей, занимавшихся разными [сегментами сообщества]*, в обсуждении реакции определенных [сегментов сообщества] на определенные слова**, манеры поведения во время аспирантских семи-

* **Исследователь:** Разные части сообщества варьируются по зонам сложности, для малой сложности анкета будет стоить 200 рублей, примерно получасовое заполнение плюс некоторое количество других бумаг, мы с этим разберемся, 300 — первая зона сложности, то есть вторая зона сложности, 400 — третья зона сложности (*аудиозапись встречи ИГ 30.09.09*).

** **Исследователь:** Был прекрасный доклад и там сказали слово «ментальность», ну, у всех прям так лица перекошились, можно подумать слово х... сказал, хотя доклад был прекрасный (*аудиозапись встречи ИГ 4.02.10*).

наров в разных [сегментах сообщества]* и т. д. Вероятно, не только мы, но широкий круг участников осуществляет такое производство [социологического сообщества], но это должно быть показано в деталях ситуаций. Одна из главных заслуг этнометодологии — это «переключение тема/ресурс» (Zimmerman, Pollner 1970). Практическое социологическое мышление о [социологическом сообществе] должно быть темой, а не ресурсом для исследователя.

В ходе осуществления проекта были попытки использования этнометодологии в социологическом исследовании. Позиция этнометодологического безразличия подразумевает отсутствие интереса к теории и методологии социологии как образцам, но подразумевает интерес к ним как к предмету исследования. В качестве остроумного вывода по поводу такого рода взаимоотношений Майкл Линч говорит об этнометодологии как паразите на теле академической социологии, но паразите со знаком «плюс». Он пытается не выпить все соки из хозяина, но вдохнуть в него жизнь, обратив внимание на важность обыденного языка и практических методов достижения объяснимости социального мира (Lynch 1993: 38). Взглянем на то, что из этого получается на практике. Этнометодологические разработки использовались в обсуждении и реализации трех процедур проекта: формирования выборки, сортировки данных и составления анкеты. В двух первых случаях практической целью отсылок к этнометодологии стало указание на невозможность консенсуса по проблеме индексальности и прекращение споров, которые могли стать тормозом на пути к следующим этапам. Были приняты решения: для процедуры формирования выборки — принять уже сделанную работу, для процедуры сортировки данных — сделать уточнения общего правила № 1 (Шаблон) в более подробном правиле № 2 (Инструкция). В третьем случае, в процедуре составления анкеты, этнометодология наряду с концепцией Э. Гоффмана была использована как теоретическое объяснение (account) при построении «модели респондента».

Благодарности

Я признателен Михаилу Соколову и Андрею Корбуту за ценные замечания и комментарии к ранней версии этой статьи, а также Виктору Вахштайну за курс «Социология повседневности» в Европейском Уни-

* **Исследователь:** Я просто не встречал, чтобы кто-нибудь написал, как по-разному люди себя ведут с точки зрения чисто кинесики: как они по-разному сидят, как они по-разному жестикулируют. Это даже видно на факультетах, три аспирантских семинара на разных факультетах — это три разных мира (*аудиозапись встречи ИГ 4.02.10*).

верситете (СПб), где обсуждались многие из затронутых здесь проблем. Я также благодарен своим коллегам по проекту «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года» за интересное и плодотворное сотрудничество: Екатерине Бороздиной, Дарье Димке, Катерине Губе, Катерине Моисеевой, Марии Сафоновой, Кириллу Титаеву, Льву Шилову.

Литература

- Гарфинкель Г.* Что такое этнометодология? / Пер. А. Корбут // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 4. С. 3–25.
- Гарфинкель Г.* Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий / Пер. А. Корбут // Социологическое обозрение. 2009. Том 8. № 1. С. 10–51.
- Корбут А.* Рецензия: В. В. Волков, О. В. Хархордин «Теория практик» // Социальные практики. 2009. Том 1. № 2. С. 175–185.
- Рабочая книга социолога / Под общ. ред. и с предисл. Г.В. Осипова. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006.
- Рогозин Д.М.* Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002.
- Сакс Х.* Социологическое описание / Пер. А. Корбут // Социологическое обозрение. 2006. Том 5. № 1. С. 48–49.
- Шюц А.* О множественности реальностей / Пер. А. Корбут // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 2. С. 3–34.
- Atkinson J.* Societal reactions to suicide: the role of coroners definitions // Images of Deviance / Ed. by S. Cohen. Penguin: Harmondsworth, 1971. Pp. 165–191.
- Vaccus M.* Sociological indication and the visibility criterion of real world social theorizing // Ethnomethodological studies of work / Ed. by H. Garfinkel. London: Routledge & Kegan Paul, 1986. Pp. 1–21.
- Carlin A.* Auspices of corpus status: bibliography* as a phenomenon of respecification // Orders of ordinary action: respecifying sociological knowledge / Ed. by S. Hester, D. Francis. Aldershot: Ashgate, 2007. Pp. 91–103.
- Cicourel A.* Method and measurement in sociology. New York: The Free Press, 1964.
- Coulter J.* Rethinking Cognitive Theory. U.K.: Macmillan, London, 1983.
- Drew P.* Is confusion a state of mind? // Conversation and Cognition / Ed. by H. Molder, J. Potter. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 161–183.
- Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967.
- Garfinkel H.* Ethnomethodology's Program. New York: Rowan and Littlefield, 2002.
- Garfinkel H., Bittner E.* Good organizational reasons for «bad» clinic records // Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967.
- Garfinkel H., Sacks H.* On formal structures of practical action // Ethnomethodological studies of work / Ed. by H. Garfinkel. London: Routledge & Kegan Paul, 1986. Pp. 157–191.

Goffman E. The interaction order: American Sociological Association, 1982. Presidential Address // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No. 1. Pp. 1–17.

Heap J. Practical reasoning in depression: a practice // *Human Studies*. 1982. No. 5. Pp. 345–356.

Heath C. Demonstrative suffering: the gestural (re)embodiment of symptoms // *Journal of Communication*. 2002. No. 52. Pp. 597–617.

Hester S., Francis D. Doing data: the local organization of a sociological interview // *British Journal of Sociology*. 1994. No. 45. Pp. 675–695.

Hill R., Crittenden K. (ed.) *Proceedings of the Purdue symposium on ethnomethodology*. Lafayette, Indiana: Purdue Research Foundation, 1968.

Lynch M. Pictures of nothing? Visual construals in social theory // *Sociological Theory*. 1991. No. 9. Pp. 1–21.

Lynch M. *Scientific practice and ordinary action: ethnomethodology and social studies of science*. New York: Cambridge University Press, 1993.

Lynch M. Silence in context: ethnomethodology and social theory // *Human Studies*. 1999. No. 12. Pp. 211–233.

Lynch M., Bogen D. «My memory has been shredded»: a non-cognitivist investigation of «mental» phenomena // *Conversation and Cognition* / Ed. by H. Molder, J. Potter. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 226–240.

Maynard D. Goffman, Garfinkel and games // *Sociological Theory*. 1991. No. 9. Pp. 277–79.

Maynard D., Schaeffer N. From paradigm to prototype and back again: Interactive aspects of cognitive processing in standardized survey interviews // *Conversation and Cognition* / Ed. by H. Molder, J. Potter. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 114–134.

Rawls A. Language, self, and social order: a reformulation of Goffman and Sacks // *Human Studies*. 1989. No. 12. Pp. 147–172.

Sacks H. Max Weber's ancient judaism // *Theory, Culture & Society*. 1999. Vol. 16. No. 1. Pp. 31–39.

Whalen M., Zimmerman D. Observation on Display and Management of Emotions in Naturally Occurring Activities: The Case of 'Hysteria' in 9-1-1 Calls // *Social Psychological Quarterly*. 1998. No. 2. Pp. 141–159.

Zimmerman D., Pollner M. The everyday world as a phenomenon // *Understanding everyday life: towards a reconstruction of sociological knowledge* / Ed. by J. Douglas. London: Routledge & Kegan Paul, 1970. Pp. 80–103.